

Отзыв официального оппонента

НА ДИССЕРТАЦИЮ АНДРЕЕВОЙ АННЫ ВЛАДИМИРОВНЫ:
«КУЛЬТУРА РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ», ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА КУЛЬТУРОЛОГИИ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 24.00.01 – ТЕОРИЯ И
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ)

Данное диссертационное исследование посвящено актуальной теме и отражает одну из насущных потребностей нашего времени – переоценку отношения к репродукции человека как процессу, имеющему не только биологические и экономические, но и культурные детерминанты, понимание которых жизненно необходимо для преодоления демографической неустойчивости российского общества.

Следует подчеркнуть, что центральные категории данной диссертационной работы: «культура репродуктивного поведения», «репродуктивное поведение», «репродуктивный выбор», – свидетельствуют о том, что исследование осуществлялось в рамках одного из магистральных трендов развития культурологического знания, связанного с изучением человеческой повседневности в самых разных ее проявлениях, в данном случае – бытования человека в сфере продолжения рода на примере репродуктивного поведения кочевников Восточной Сибири.

Автор ставит перед собой цель проанализировать культуру репродуктивного поведения как морфологическую единицу кочевой культуры, такой угол зрения придает исследованию ярко выраженный культурологический ракурс.

Содержательным и обладающим элементами новизны является материал, изложенный в первой главе диссертации: «Теоретико-методологические основы исследования культуры репродуктивного поведения кочевников».

В параграфе 1.1. автор обозначает целый ряд теоретико-методологических позиций, принципиально важных для понимания

особенности кочевой культуры как объекта культурологического анализа. Критически переосмысливая достижения кочевниковедения, автор обозначает свое понимание кочевничества как особого типа культуры, проводит сравнительный анализ понятий «кочевая культура», «кочевая цивилизация», «традиционная культура»: обосновывает выбор троичной модели культуры (социальная, духовная, технологическая подсистемы), на которой построено все исследование.

Помимо теоретико-методологических изысканий, автор в данном параграфе затрагивает актуальные проблемы национальной и этнической идентичности и приходит к выводу, что элементы кочевой культуры *«могут быть включены в современное культурное пространство»* (с. 58, дис.). К сожалению, автор не поясняет, какие именно элементы.

В п. 1.2. автор анализирует своеобразие культуры репродуктивного поведения в системе кочевой культуры, следуя классическим методологическим принципам дедуктивной логики – от общих тенденций, присущих различным этносам, к изучению специфики кочевых народов; и диахронной логики – от первобытных культур и древних цивилизаций приближаясь к современности.

Автор, опираясь на отечественные и зарубежные исследования, сделал обзор символики, ритуализации, мифологизации традиционной культуры, связанной с деторождением, и выделил характерные черты технологической, социальной, духовной подсистем культуры репродуктивного поведения кочевников.

В теоретическом отношении ценность данного параграфа диссертации заключается в авторском определении репродуктивного поведения и регулирующей его культуры (с. 66-68, дис.), а также в обосновании специфики культуры репродуктивного поведения кочевников.

На практические нужды сегодняшнего дня ориентированы выводы автора о необходимости коррекции культурных установок и паттернов,

имеющихся у современных женщин в сфере репродукции (с. 80, дис.); о важности учёта особенностей конкретной этнической культуры и характерных для неё ценностей в процессе разработки современных нормативных актов, регламентирующих репродуктивное поведение граждан (с. 88, дис.).

В целом, первая глава, на наш взгляд, преследует цель создания символического «моста» между традиционной культурой доиндустриального прошлого и культурой современной для того, чтобы все лучшее из прошлого человеческого опыта, связанного с продолжением рода, и в частности опыта кочевых народов, не было забыто и нашло свое применение, свое новое «прочтение» в повседневных практиках информационного общества.

Вторая глава «Репродуктивное поведение кочевников Восточной Сибири» построена на осмыслении историко-этнографического материала в рамках цели и задач данного исследования.

В п. 2.1. автор аргументированно выстраивает основания культуры репродуктивного поведения бурят, тувинцев и эвенков в технологической и социальной подсистемах кочевой культуры, фокусируя свое внимание на таких социокультурных явлениях, как брачная обрядность, родильная обрядность, дифференциация гендерных ролей в брачно-семейных отношениях, нюансы детско-родительских отношений в разные периоды жизни ребенка. Параграф, безусловно, очень содержателен, но в выводах нам не хватило сжатого изложения тех хозяйственных принципов и социальных установок, которые конституируют продолжение рода в кочевой культуре. Однако, требуемая степень обобщения данного раздела диссертации представлена в автореферате (с. 19-20, автореф.).

Мы разделяем мнение диссертанта, что именно духовная составляющая лежит в основе культуры репродуктивного поведения (с. 128, дис.), поэтому с большим интересом изучили содержание п. 2.2., посвященного анализу

духовной составляющей культуры репродуктивного поведения бурят, тувинцев и эвенков.

Сакральность темы продолжения рода; табуирование поведения беременной женщины и отношения к ней окружающих; развитая охранительная обрядность, сочетающаяся с многообразным символизмом мировоззрения кочевников, проанализированные в данном параграфе, заслуживают особого внимания, так как отвечают на вопрос: почему женщины иначе относились к материнству (в его биологической миссии) и успешно справлялись с задачей рождения и грудного вскармливания детей? В современном обществе массовые перинатальные практики потеряли ритуальное сопровождение и вместе с тем обеднели духовно, поддавшись глобальным тенденциям медикализации и невротизации репродуктивного поведения.

В целом, вторая глава продуктивна, во-первых, с точки зрения теории культуры, так как встраивает культуру репродуктивного поведения в систему повседневной культуры кочевников Восточной Сибири, а во-вторых, является смысловым ядром практической значимости диссертации, так как, руководствуясь достигнутым пониманием содержания и структуры культуры репродуктивного поведения, автор предлагает задействовать ее духовные детерминанты в жизни современного общества, такие как экологичность взаимодействия с природой, естественное отношение к телу и фертильности, создававшие ранее благоприятные духовные условия для сохранения психологического и физического здоровья человека вообще, матери и ребенка, в частности.

Действительно, с точки зрения практического смысла, было бы утопично утверждать, что какие-то технологические особенности кочевой культуры могут конкурировать с современными технологиями быта и производства. Возможность возрождения традиций распространяется, главным образом, на духовный компонент, что автор и демонстрирует,

предлагая (с. 154, дис.) ввести в образовательную практику соответствующие учебные курсы и активизировать другие механизмы трансляции, в первую очередь, СМИ. Мы целиком поддерживаем эту позицию.

Выводы, представленные в заключении, отражают содержание работы и демонстрируют умение автора обобщать собранный материал и трансформировать его в формат рекомендаций органам исполнительной и законодательной власти РФ.

Список литературы насчитывает 361 источник и свидетельствует о широкой и междисциплинарной проработке темы исследования, подтверждая его достоверность.

Результаты апробации исследования, судя по автореферату (с. 15), убедительны: автор участвовал в конференциях разного ранга, опубликовал достаточное количество научных работ, в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, применил свои идеи в учебном процессе.

Текст диссертации и автореферата согласованы друг с другом, их оформление отвечает требованиям.

Диссертация соответствует паспорту научной специальности. 24.00.01 - теория и история культуры (культурология), и те пункты паспорта, которые указаны в автореферате (с. 15), действительно нашли отражение в данной работе.

Следует положительно отметить особенность научного стиля автора, который отличает логическая стройность, грамотность и глубина рационального осмысления исследуемых проблем. Хотя некоторые недочеты присутствуют. Например, автор говорит о необходимости применения *«как базовых, так и общенаучных методов»* (с. 12, автореф.). Среди известных нам классификаций методов исследования понятие «базовые методы» – не фигурирует.

Если сосредоточить внимание на содержательных недостатках, то мы должны отметить, что автор в своем автореферате не уделит внимание

антинатальной составляющей репродуктивной культуры, которая в том или ином (социальном, духовном, технологическом) воплощении присутствует в репродуктивной культуре любых этносов как обязательный структурный элемент репродуктивной культуры. В итоге: в тексте диссертации «темная» – антинатальная сторона рассматриваемой культуры – присутствует (см., например, с. 57; с. 69-70 и др.), обеспечивая целостность анализа данной культуры, а в автореферате – отсутствует.

В положении №4, выносимом на защиту, где автор характеризует духовную подсистему традиционной культуры бурят, тувинцев и эвенков, создающую духовную основу присущей им культуры репродуктивного поведения, специфика ценностно-нормативного поля не представлена, хотя она отражена в тексте диссертации (п. 2.2). В данном случае, как и предыдущем, в ходе автореферативного обобщения произошло некоторое «вымывание» значимых смыслов.

Мы также хотели бы обратить внимание автора, что такая характеристика бурят, тувинцев и эвенков как *«многодетность, нацеленность на семью и продолжение рода»*, – эта общая особенность многих этносов в доиндустриальную эпоху, и она не является характерной особенностью.

В качестве уточняющего вопроса мы предлагаем автору на примере одной-двух действительно специфичных характеристик культуры репродуктивного поведения кочевых народов Восточной Сибири продемонстрировать, как можно использовать эти особенности для конструирования современного культурного пространства?

Несмотря на эти замечания и уточнения, мы признаем, что представленный автором целостный анализ культуры репродуктивного поведения кочевых народов Восточной Сибири обладает новизной и в значительной степени способствует продвижению культурологии в новую

для нее область исследования, которую мы называем «культурологической репродуктивистикой».

Характеристики, выявленные автором, уточняют понятийный аппарат (особенно нам импонирует определение культуры репродуктивного поведения на с. 14 автореферата) и дополняют географо-этнографическую типологию репродуктивной культуры категорией «культура репродуктивного поведения кочевых народов Восточной Сибири», что свидетельствует о теоретической значимости данного исследования.

Практическая значимость связана с прогностическим потенциалом результатов проведенного исследования, которое может быть полезно в процессе разработки демографической, семейной и образовательной политики РФ, переводя теоретическое знание в реальное действие.

Все выше сказанное позволяет сделать вывод о том, что данная работа является законченным, самостоятельным, обоснованным исследованием, имеющим как научную новизну, так и теоретическую, и практическую значимость. Диссертация и автореферат соответствуют требованиям пп. 9-14 Положения «О порядке присуждения ученых степеней» (от 24.09.2013), а их автор – Андреева Анна Владимировна заслуживает присуждения ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры (культурология).

04.01. 2016.

Беляева Мария Алексеевна, доктор культурологии, доцент
профессор кафедры технологий
социальной работы Федерального
государственного бюджетного
образовательного учреждения
Высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

Адрес почтовый: 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 408.
Электронный: 2012marysia@mail.ru

Подпись

Заверяю инсп. ОК УрГПУ

В. А. Сурташова 7